

Матвеев С.Р.

Проблема суверенитета в политической философии Франсуа Гизо.

Проблема суверенитета занимала центральное место в политической мысли посленаполеоновской Франции. Разработка этой темы – одно из наиболее популярных и плодотворных направлений в политической философии XIX столетия. Ее привлекательность для исследователей соответствовала степени ее актуальности в послереволюционных условиях. Из сферы схоластики она вышла на арену идеологических и политических столкновений, участники которых искали ответа на конкретные вопросы – о причинах затухания революции и гибели наполеоновской империи, о судьбе династии Бурбонов и жизнеспособности Хартии 1814 г.

Обращение к концепции суверенитета Франсуа Гизо не только позволит реконструировать важную часть политической теории этого мыслителя, но и может пролить свет на философские истоки французского умеренного либерализма, а также продемонстрировать соотношение этой идеологии с демократической традицией.

Гизо обращается к проблеме суверенитета в трех трактатах, написанных при разных обстоятельствах и на разных этапах жизни философа. Первый текст, «Политическая философия о суверенитете»¹, всецело посвящен указанной теме. Гизо так и не закончил это сочинение, оно долгое время оставалось в архивах, и было впервые издано П. Розанваллоном в 1985 г. О народном суверенитете философ размышляет в работе «О демократии во Франции»², написанной в январе 1849 г., то есть под прямым впечатлением от собственной отставки и событий февральской революции 1848 г. Наиболее взвешенный взгляд на проблему представлен в историко-философском трактате «Три поколения. 1789-1814-1848», а также в мемуарах³.

К. Шмитт писал, что «суверенитет есть высшая произвольная власть правителя»⁴, а «суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции»⁵. Проблема верховной власти, по определению Шмитта, всегда есть вопрос о том, кто является сувереном⁶. Во французском интеллектуальном пространстве начала XIX в. существовало несколько интерпретаций основания верховной власти: традиционалистская модель Ж. де Местра и Л. де Бональда; концепция суверенитета народной воли Ж.-Ж. Руссо, развитая Б. Констаном; либеральная теория суверенитета абстрактного права. Позиция Гизо приближалась к последнему варианту, поскольку его не беспокоила проблема реальности субъекта высшей власти.

Как и во многих других вопросах, Гизо начинает анализировать суверенитет с истории проблемы и обнаруживает историческое существование разных форм этого явления: «В области правления наши отцы видели, как на руинах права сильнейшего поднимается божественное право королей; сами же мы были свидетелями

---

¹ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете. – Классический французский либерализм. М., 2000. С. 507–588.

² Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849.

³ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1-8. Paris, 1858-1867

⁴ Шмитт К. Указ. соч. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 21–22.

провозглашения суверенитета народа на руинах божественного права королей». Гизо уличает традиционалистов и сторонников народной воли в логической незавершенности их концепций: «Когда люди вознамерились обосновать суверенитет королей, они сказали, что короли суть образ Бога на земле. Когда они захотели обосновать суверенитет народа, было объявлено, что глас народа есть глас Божий». Признавая Бога единственно суверенным, Гизо фактически лишает суверенитет реальной субъектности, поскольку признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогрешимость. Однако никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую произвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка.

Через проблему суверенитета Гизо переходит к принципу разделения властей. Фактический суверенитет должен быть плодом усилия, «результатом сближения и столкновения властей независимых, равных и способных принудить друг друга к совместным поискам истины, дабы объединиться лишь в лоне ее».

В реальной политике теория суверенитета Гизо означала отказ от расширения избирательного корпуса, чтобы исключить из политической жизни неподготовленные для этого слои населения, не обладавшие имуществом и должным образованием. Коллективный субъект – самый беспринципный и безответственный политик, который с легкостью может привести к власти тирана.